

ЭКСПАНСИЯ

ПИРАТЫ XXX ВЕКА

Роман
ЗЛОТНИКОВ
Василий
ОРЕХОВ

Империя наносит ответный удар

Роман Злотников

Пираты ХХХ века

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Злотников Р. В.

Пираты XXX века / Р. В. Злотников — «Издательство АСТ»,
2019 — (Империя наносит ответный удар)

ISBN 978-5-699-41212-9

Долгожданная новая книга из популярного цикла о русских космических диверсантах. Империя вновь наносит сокрушительный ответный удар! Звездные Горностаи, ветераны российского диверсионного спецназа Песец, Лось и Рысь, по личной просьбе своего императора снова оказываются на острие атаки. Теперь им противостоят беспощадные расисты из звездного скопления Кабестан, обращающие в рабство людей с захваченных кораблей. Работа под прикрытием среди бешеных пиратов тяжела и крайне опасна – но подразделение Горностаев боеспособно, пока способен действовать хотя бы один боец.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-41212-9

© Злотников Р. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роман Злотников, Василий Орехов

Пираты XXX века

© Р. В. Злотников, 2019

© В. И. Орехов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Около десяти часов утра, когда утреннее светило уже щедро дарило свою милость жителям и гостям благословенного мира Аль-Сауди, в боковой стене старого королевского дворца беззвучно раскрылась неприметная дверь – столь неприметная, что случайно проходящий мимо человек не сумел бы обнаружить в этом месте ни петель, ни швов.

На улицу, потягиваясь и потирая вчерашнюю щетину, неохотно выбрался Улоф Йоханссон – бывший технический специалист в новом, орбитальном королевском дворце, построенном предшественником нынешнего монарха Рашада, королем Абдельмаджидом, ныне уже покойным. Видимо, таланты Йоханссона были замечены и в новой королевской администрации, потому что он в числе немногих специалистов старого режима был доставлен с орбитального дворца в официальную резиденцию монарха на планете Панеконт, чтобы продолжать без отдыха трудиться на благо арабской державы.

После восшествия на престол Рашад обосновался во дворце дедушки Абдаллы, а грандиозный орбитальный комплекс, который служил местом увеселения Абдельмаджиду и своей фантастической стоимостью едва не пошатнул экономику Аль-Сауди, распорядился отдать под роскошные отели и экзотические базы отдыха для граждан и гостей королевства. Королевству требовалось любыми средствами срочно пополнить государственную казну, опустошенную предыдущим непутевым правителем.

Едва ли у какого-нибудь случайного прохожего вызвал бы интерес покидающий дворец техник. Мелкие специалисты, работавшие на внешнем периметре дворца, среди которых попадались и иностранцы, иногда выбирались в город по служебным делам. Разумеется, был риск, что враги короны могут попытаться под видом техника вернуть во дворец своего человека с разведывательным или диверсионным заданием, но серьезно реформированная служба безопасности королевства «Аламут» не дремала, проверяя всех прибывших и тут же отсекая чужих. И столь эффективно, что у какого-нибудь страдающего паранойей аналитика даже могло сложиться впечатление, будто спецслужбы нарочно приглашают врагов во дворец, беспечно раскрывая перед ними двери. Но подданные эмира, да продлит Аллах его годы и ниспослёт всем находящимся под рукой правителя правоверных достаток и процветание, предпочитали думать, что служба королевской безопасности после многолетних жестоких репрессий под руководством ее бывшего главы Адиля Азулая из всех сил желала показать людям свое новое лицо – милостивое, демократическое и дружелюбное.

Однако за стенами королевского дворца с диверсантами и безмозглыми общественными активистами по-прежнему не церемонились – даже несмотря на то, что создавалось впечатление, будто после гибели короля Абдельмаджида и эфенди Азулая «Аламут» совсем перестал ловить мышей.

Вынув из кармана мелочь и глубокомысленно пересчитав ее на ладони, техник Йоханссон задумался. Похоже, с наличностью у него было не так уж и хорошо. Впрочем, все, кто имел возможность наблюдать его передвижения на протяжении многих дней, прекрасно знали, что с утра у него все равно не было другого маршрута. Так что, подумав с минуту, он просто махнул рукой и направился на Королевский рынок, раскинувшийся на трех гектарах территории неподалеку от дворца.

Это был классический восточный базар – пестрый, шумный и яркий. Здесь можно было купить всё – от пары кривых дамасских скимитаров, с равной легкостью режущих и стальной прут, и невесомый шелковый платок, до ездового слона или астероида в соседней звездной системе. Для зарубежных туристов, выбравшихся в центр столицы поглазеть на величественный старый дворец, Королевский рынок являлся одной из обязательных к посещению туристических достопримечательностей.

И именно для них, неверных лукавых кяфиров, на рынке было открыто богопротивное заведение под лаконичным названием «Бар», где подавали алкоголь. Вот туда-то швед и направился за своей утренней порцией. Без утренней порции ему плохо работалось.

Вообще-то достать спиртное на территории королевства Аль-Сауди было сложновато. Согласно заветам Пророка, употребление горячительных напитков считалось делом богопротивным. Вследствие чего для их употребления (разумеется, исключительно в медицинских целях) правоверные должны были сначала озаботиться получением специальной фетвы. Да и после её получения пить полагалось только в индивидуальном порядке и исключительно в собственном доме. Болеешъ – лечись, а окружающих не разлагай...

Но все эти запреты не относились к иностранным туристам, для которых потребление спиртного не было ограничено ничем. Кроме разве что совершенно конской цены. Более того, подобная практика находила немало сторонников не только среди экономистов и финансистов эмирата, но даже в среде имамов и муаллимов, которые считали, что вид иноземцев, напивающихся до скотского состояния, срабатывает лучше любых проповедей и официальных запретов. Мол, сами смотрите, до чего могут дойти люди, не соблюдающие заветы Пророка... Тем самым монарх убивал сразу двух зайцев: и отчески ограничивал собственных граждан от пагубного христианского попойки, и в то же время мудро собирал с иностранцев хорошие деньги за их прискорбные грехи.

Мистера Йоханссона в «Баре» хорошо знали и приветствовали по всем правилам восточного гостеприимства, поскольку ни один завсегдатай не оставил здесь столько денег, сколько он. Техник занял место за стойкой, и ему сию секунду принесли ноль пять нефилтрованного и стопку текилы для разгона.

Долго скучать в одиночестве шведу не пришлось. В дверях показалась местная достопримечательность – дервиш Абу-Махди, человек практически святой, который с утра до вечера крутился на площади возле дворца, неизменно заставляя туристов расчехлять объективы видеокамер и открывать кошельки, а свободное время проводил обычно в «Баре», в неизменных количествах поглощая спиртные напитки. И хотя это вроде как было прямым нарушением заветов Пророка, но дервиши всегда считались малость сумасшедшими, через безумие которых говорит с людьми Аллах. Вследствие чего им позволялось куда больше, чем кому бы то ни было. Например, все прекрасно знали, что этот самый дервиш никакому махди, то есть грядущему мессии, не был никаким абу, то есть отцом, но раз святому человеку пришлось в голову так назваться, то в этом наверняка есть некий высший смысл. Да и тех, кто знал, что когда-то его звали Сахим Сафари, на рынке было немного.

Родители при рождении наделили Сахима благозвучными именем и фамилией, да еще и начинающимися на одну букву: если бы он избрал карьеру киноактера или музыканта, ему даже не пришлось бы брать псевдоним. Однако Сафари выбрал судьбу юродивого бродяги, и для этой карьеры имя Абу-Махди было куда более подходящим.

Когда Йоханссон впервые увидел его на пороге «Бара», он было решил, что сейчас здесь произойдет драматическое действие вроде того, какое устроил Христос, изгоняя торгующих из храма. Нечто подобное швед однажды уже видел в одном провинциальном городе, где явившийся в винную лавку местный дервиш учинил знатный перформанс с переворачиванием столов и битьем бутылок об стену. При этом хозяин заведения отнюдь не пытался остановить распоясавшегося вандала, наоборот, выглядел виноватым и сконфуженным. Когда дервиш, разнеся вдребезги половину лавки, взял небольшой тайм-аут, чтобы попить воды, хозяин приложил все усилия, чтобы усадить беспокойного гостя за богато накрытый стол – видимо, в попытке спасти вторую половину имущества.

Поначалу Улоф Йоханссон полагал, что это явление сродни обожествлению обезьян у индусов: какой бы ущерб ни причиняли мартышки, шугать их нельзя, потому что они священные животные. Но потом, углубившись в историю вопроса, понял, что дервиши больше

похожи даже не на древнерусских юродивых, с которыми у них было много точек пересечения, а на китайских даосов: те тоже, будучи людьми духовными, изображали из себя сумасшедших философов и бесребреников-максималистов, при этом оставаясь лютыми прагматиками до мозга костей. В ходе вербовки агентуры новый глава «Аламута» не раз сталкивался с проникновенными монологами о пагубности денег и пользе нестяжательства – до тех пор, пока предлагаемых денег, по мнению вербуемого дервиша, было недостаточно. Но если святой человек полагал, что выбил себе достаточную надбавку, то сразу же, прямо от бестолкового бормотания и цитирования духовных трактатов, переходил к уточнению деловых подробностей. Более цепких и жадных до денег типов Улоф не встречал даже среди американских коммивояжеров.

Абу-Махди оказался для ведомства Йоханссона настоящим кладом. Проводя целый день под стенами королевского дворца, он был прекрасно осведомлен обо всех местных сплетнях, слухах и тайнах. Его не стеснялись: какой смысл стесняться сумасшедшего святого человека, который все равно ничего никому не расскажет?

Ну, разве что такому же пьянчужке Улофу Йоханссону. Который для подавляющего большинства окружающих был лишь одной из кяфирских свиней самого мелкого пошиба. О другой же его ипостаси – начальника службы безопасности дворца и руководителя реформированной спецслужбы «Аламут», прежний глава которой, эфенди Адиль Азулай, погиб вместе с предыдущим королем во время диверсионной вылазки мятежников, – знало очень ограниченное число людей.

Тот факт, что Абу-Махди в огромных количествах потребляет омерзительное пойло неверных, как уже было сказано, совершенно никого не смущал. Если дервиш в провинциальном городке разгромил винную лавку – иншалла, на то воля Аллаха. Если дервиш ежедневно надирается в столичном «Баре», освящая его своим присутствием и не давая разгромить его Стражам Ислама – иншалла. Через дервиша действует Всевышний, и, может быть, у Аллаха есть на это заведение свои планы. Может быть, здесь однажды зарежут грядущего узурпатора трона, выступит знаменитая певица или произойдет другое важное событие...

Абу-Махди дружелюбно пожелал мира всем присутствующим, после чего занял место за стойкой по правую руку от мистера Йоханссона. Ему тоже немедленно принесли без заказа его традиционную порцию – двести виски и шот граппы. Этот стартовый заход из уважения к святому человеку делался за счет заведения.

– Резво начинаете, эфенди, – вежливо заметил швед.

– Никогда не боялся трудностей! – отрезал дервиш. – Трудности созданы Аллахом для того, чтобы мы их успешно преодолевали. С усилием преодолевая трудности, мы тем самым по воле Аллаха вызываем в организме приток эндорфинов, которые повергают нас в блаженную эйфорию...

Йоханссон с сомнением посмотрел на собеседника. Определенно, тот постоянно забывал, что он – полубезумный уличный проповедник. То есть швед знал, конечно, что дервиши в Средневековье были учеными и врачевателями, эстетами и философами, иллюзионистами и книжными знатоками. Но теперь люди подобного склада находили себя в других сферах деятельности, более интересных, чем бродяжничество.

Хотя, с другой стороны, Йоханссон не раз слышал от иностранцев, что западные правительства не пытаются убрать бездомных с улиц только потому, что тем якобы нравится такая жизнь. А власть демократических государств не смеет идти против воли частного лица. Впрочем, с его точки зрения это было обычное западное иезуитство, за которым скрывалось презрение богатых нуворишей к собственным гражданам, которые не выдержали гонки за богатством, составлявшей на западе самую суть и смысл жизни. Потому что в той же Российской империи желающих жить на улице не было вовсе. В первую очередь потому, что одним из приоритетов внутренней политики императора был железный посыл: «Каждый человек должен иметь свой дом». И ничего, никто не отказывался и не заявлял, что он непременно хочет жить на улице...

В Аль-Сауди улица полноправным гражданам тоже не грозила. Но Абу-Махди был именно одним из тех немногих, кто сознательно выбрал улицу: он вполне мог бы претендовать на солидную жилищную ссуду и ипотеку под какой-то смешной процент, однако для него всё это было невыносимо скучно. Он спал на рынке, питался фруктами, которые оставляли ему местные торговцы, нигде не работал и прекрасно себя чувствовал.

Если бы только не страсть к алкоголю... Хозяин «Бара», конечно, ежедневно наливал ему бесплатно порцию виски, но покрывать все потребности дервиша в спиртном совсем без денег отказывался – потребностей было так много, что это оказывалось слишком дорого даже для него.

Поэтому многоуважаемому Абу-Махди приходилось подрабатывать, чтобы не остаться без горячительных напитков. Например, осведомителем у Улофа Йоханссона, он же эфенди Алишер, как прозвали его рыночные торговцы за внушительные габариты и грозность: Высокий Лев. Тем более что подобную работу никак нельзя было назвать скучной...

– Ну? – ласково поощрил эфенди Алишер Йоханссон, когда Абу-Махди погрузился в свою порцию.

Беседовать на пикантные темы в «Баре» он не опасался. Прослушка здесь, конечно, была – странным было бы для службы безопасности восточной деспотии не установить прослушку в месте, где от адского пойла неизменно развязываются языки. Но вся она принадлежала «Аламуту». Если бы кто-нибудь попытался установить в «Баре» свою подслушивающую штукину, ее немедленно зафиксировали бы и уничтожили.

– Есть интересное, – поведал дервиш.

Маленький засранец, отметил про себя Йоханссон. Всегда профессионально тянет жилы, за что и имеет обычно в полтора раза больше положенного. Хотя, признаем честно, его информация чаще всего и ценится аналитическим отделом раза в полтора больше, чем информация других осведомителей.

– Так поведай его мне, друг мой, – проникновенно посоветовал эфенди Алишер. – Пока это интересное принадлежит только тебе, оно не стоит ничего.

Восточным подходам и реверансам мистеру Йоханссону тоже пришлось научиться, плотно общаясь с мусульманами.

Дервиш, впрочем, по собственному опыту знал, что терпением эфенди Алишера нельзя злоупотреблять долго, поэтому быстро перешел к сути:

– Вчера у многоуважаемых эфенди, когда-то плотно завязанных на торговле наркотиками, состоялась встреча в чайхане эфенди Заки, которого они считают своим. Присутствовали полковник Акмаль, эфенди Хаким, министр аль-Халиль и еще другие, которых я не опознал. Но есть неплохие записи, так что опознать их – дело техники. Они полагают, что новый король, да благословит его Аллах и приветствует, сильно их ущемляет, и рассуждали о том, что было бы неплохо его поменять. Конкретных предложений пока не выдвигали, но общая атмосфера примерно такая. Боюсь, что рано или поздно они начнут выдвигать предложения – и скорее рано, чем поздно...

– Прекрасно, друг мой! – сказал Йоханссон. – Эта информация стоит вдвое больше, чем обычно. Записи зальешь в личку на тот сайт для собаководов, как обычно, мы их внимательно изучим...

Все-таки дервиш – прекрасное прикрытия для осведомителя. Эфенди Алишер вполне мог представить себе, что в процессе записи Абу-Махди просто сидел в углу у двери, забавляясь деревянным волчком, в то время как государственные преступники, совершенно не опасаясь его присутствия, рассуждали о свержении верховной власти. Вернее, просто не замечая его присутствия. И волчка, в который было встроено записывающее устройство.

Дервиш слил работодателю еще несколько новостей криминального мира, масштабом помельче, и степенно удалился, унося во внутренних карманах от щедрот Йоханссона две непо-

чатые бутылки виски. А швед перебрался за ближайший свободный столик – вкушать обильный арабский завтрак и размышлять над полученной информацией. Покидать «Бар» он не спешил: сегодня с утра у него было еще две встречи с осведомителями.

Его размышления нарушил чей-то голос:

– Позвольте подсесть за ваш столик, эфенди Алишер.

Это не был осведомитель. Йоханссон его вообще не знал: с виду типичный ацтек-латино, выдающиеся скулы, внушительный подбородок, антрацитово-черные волосы, острый нос, внимательные черные глаза. Спортивная фигура. Не похож ни на одного из тех, кого Улоф Йоханссон имел основания считать своим другом или своим врагом.

– Не позволю! – огрызнулся эфенди, не удостоив доставалу вторым взглядом. – Предпочитаю завтракать в гордом одиночестве. Если у вас есть какие-нибудь вопросы к нашему ведомству, подайте их в техническую службу королевского дворца, вам ответят до конца недели... – Он вдруг полуразвернулся и впился пристальным взглядом в собеседника. – Постой-ка! Я тебя знаю? Такой знакомый голос!..

– О! – одобрительно усмехнулся незнакомец. – Узнаю, узнаю непревзойденное сыскное мастерство Круля Казимежа!..

Он еще не успел договорить, как швед уже ушел в перекат спиной вперед, переворачивая свой столик, чтобы перекрыть незнакомцу линию огня. Тот запоздало выстрелил из разрядника – по-ковбойски, от бедра, не целясь, уже понимая, что с выстрелом безнадежно опоздал. Пространство пивной распорол ветвящаяся сиреневая молния, вдребезги разнесшая дымящийся кальян на стойке, но Алишер уже перекатился под соседними столиками и вынырнул почти у самого выхода. Взвизгнула официантка, которую он отпихнул со своего пути.

Круль Казимеж – для него это было слишком опасное прозвище. Он спокойно воспринимал, когда к нему обращались как к эфенди Алишеру – под этим именем его знали тут многие. Он еще мог бы понять и принять более или менее спокойно, если бы кто-то здесь вдруг признал в нем Казимира Витковского. Настоящее имя эфенди Алишера тоже было не то чтобы строго секретным. Он даже готов был услышать свою армейскую кличку – Лось. Но «Круль Казимеж» – так называлось его беспокойное детективное агентство на Войтыле, деятельность которого оставила слишком много смертельных врагов, добивавшихся за бывшим частным детективом аж до самой Тахомы в тщетной надежде стиснуть волосатыми лапами его глотку.

Образ вечно нетрезвого механика Улофа Йоханссона никак не сочетался с оружием; к тому же эфенди Алишер привык к тому, что его габариты внушают уважение местной шантрапе, поэтому оружия не носил. Что касается более опасных врагов, то у Йоханссона, в отличие от Круля Казимежа и главы «Аламута» Казимира Витковского, таковых просто не было. Поэтому сейчас, за отсутствием оружия не имея возможности вступить в перестрелку с противником, Лось мог либо попытаться отобрать у незнакомца разрядник, полагаясь на свои боевые навыки Звездного Горноста, либо бежать без оглядки.

Еще до начала стрельбы эфенди Алишер привычно отметил краем сознания, насколько грамотно этот мерзавец расположился у него за спиной: на таком расстоянии и в таком слепом секторе, чуть слева и сзади, чтобы Казимир не смог достать его одним внезапным броском. Видимо, матерый профессионал. Тогда Круль Казимеж решил, что это вышло случайно, но теперь все иные варианты отпали. Главе «Аламута» оставалось только бежать – или оказаться поджаренным на месте.

Глава 2

Вывалившись из «Бара», Витковский прямо с низкого старта бросился в один из узких проходов между базарными рядами. В основном крытый Королевский рынок напоминал западную плазу с эскалаторами, атриумами высотой в несколько этажей и просторными ресторанными двориками, однако местами здесь нарочно был воссоздан древнеарабский рыночный колорит с тесными торговыми рядами и свисающими до пола коврами – для туристов.

Преследователь не отставал, плотно сев Крулю Казимежу на хвост. Под негодующие вопли торговцев тот яростно обрушивал на пути индейца стойки с богато расшитыми халатами, переворачивал столики с фруктами и серебряными кумганами, но мерзавец не отставал, двигаясь за поляком по пятам.

Лось с натугой метнул в преследователя индивидуальный туристический гравилет, который схватил с одной из витрин – индеец отбил его стойкой с солнцезащитными очками, во все стороны полетели осколки и куски пластика.

– Эй! Что происходит?! – на ходу отстегивая с поясов дубинки, в их сторону бежали двое полицейских, дежуривших в базарных рядах. Но ни беглец, ни преследователь не обратили на них особого внимания.

Пострадавшие продавцы возмущались в голос, по-арабски кляня всю родню поединщиков до седьмого колена включительно, но пытаться останавливать их и вообще ввязываться в драку дураков не находилось: с первого взгляда видно было, что схватились люди солидные, уважаемые, достойные, и всякий, кто рискнет влезть между ними, неизбежно познает на себе, каково это – находиться меж молотом и наковальней. Тем более что раз уж полиция не сумела уберечь товары полноправных граждан от разгрома, то им полагалась теперь внушительная страховая премия от государства. Так что негодование было скорее показушным, чем искренним.

Остро ощущая себя на прицеле, Казимир стал без разбору ломиться через торговые ряды, подныривая под свисающие ковры, всем телом пробивая гипсокартонные стены, отделяющие торговые места друг от друга, и опрокидывая столики. Незнакомец преследовал его по пятам, двигаясь по следам причиненных им разрушений, словно по траектории небольшого смерча.

За одной из груд вываленной на пол одежды Витковский затаился и, когда коварный латино приблизился, неожиданно кинулся на него, стремясь уложить парой хороших ударов. Как ни странно, ему это снова не удалось. Получилось лишь вышибить из рук разрядник. Преследователь двигался на удивление легко, точно и грамотно, словно профессиональный танцор или опытный спецназовец. Он умело ушел от клинча и тут же попробовал достать Казимира прямым в голову, так что Круль Казимеж с трудом избежал тяжелого нокаута. Пожалуй, незнакомец-латино мог бы претендовать на сдачу как минимум первой ступени экзамена на звание Горностая – если и стрелять умел так же здорово, как и драться. Но вот это Лось проверять уже не собирался.

Нет, таких врагов у него точно никогда не было. Разве что кто-то из них нанял этого типа, чтобы покататься с ненавистным Крулем Казимежем. Но такие мастера обычно очень дорого стоят.

Эфенди Алишер снова бросился наутек, стараясь все время сбивать противнику линию огня, потому что не сомневался, что тот снова подхватит валявшийся под ногами разрядник. Избежать выстрела в спину удалось, но ацтек быстро настиг его у выхода в обширный торговый зал и достал обоими кулаками в могучем броске. Противники с оглушительным звоном и грохотом вынесли своими телами огромное зеркальное стекло возле фонтана и в потоке осколков вывалились в атриум.

Местные полицейские отстали где-то между базарных рядов – то ли заблудились, то ли благоразумно решили не связываться с сумасшедшими бледными шайтанами.

Слегка оглушенный падением эфенди Алишер Йоханссон по кличке Лось бросился вверх по движущемуся вниз эскалатору, распахивая не успевших увернуться покупателей. Его противник выбрал для преследования параллельный.

Глава «Аламута» верно рассчитал, что на полном народе эскалаторе индеец применять оружие не будет: даже если невинные жертвы его совершенно не беспокоят, он, скорее всего, побоится, что массовый расстрел граждан закончится для него тем, что какой-нибудь полицейский или разъяренный араб с разрядником в кармане уложит его выстрелом в спину. Потому на эскалаторах и Витковский-Йоханссон, и его неведомый преследователь предпочитали пока изображать уличных хулиганов, а не убийц.

С пересадками они добрались до пятого этажа, который опоясывал атриум под самым куполом, накрывавшим весь рынок. Лось пытался сразу уйти в боковой коридор, чтобы затеряться во внутренних помещениях, но здесь было гораздо просторнее, чем внизу, и беглецу нечего было сваливать под ноги догоняющему, чтобы затруднять его продвижение. Поэтому оторваться Казимиру не удалось.

Некоторое время смертельные противники врукопашную бились на этаже, сметая всё, до чего могли дотянуться. В процессе погони по эскалаторам незнакомец сунул разрядник за пазуху, чтобы не выронить, продираясь через толпу, и теперь мог полагаться только на свои жилистые кулаки. Пару раз он пытался снова извлечь оружие, но Йоханссон, сообразив, в чем дело, всячески старался помешать ему, все время срывая дистанцию и непрерывно обрушивая на врага град ударов, чтобы тот постоянно был занят постановкой блоков и не имел возможности воспользоваться разрядником. Всё на их пути взмывало в воздух, разлеталось вдребезги, рушилось с грохотом, словно во время землетрясения. Под гневные вопли торговцев они уже раскололи несколько богатых витрин и останавливаться на этом явно не планировали.

Незнакомцу все-таки удалось выдернуть оружие из-за пазухи, но Лось тут же удвоил и без того бешеную скорость, с которой наносил удары, и пока ацтеку лишь удавалось блокировать его хуки рукоятью и корпусом разрядника. Ни одного выстрела на пятом этаже он пока сделать так и не сумел.

Тем не менее ясно было, что ситуация понемногу становится угрожающей. Как Витковский ни старался, вновь обезоружить противника у него никак не получалось. То, что не представляло бы для него особого труда против среднеподготовленного бойца, было совершенно невозможно сделать с этим худым жилистым мастером, более не давшим Казимиру ни единого шанса на то, чтобы повторить свой прошлый успех. Разрядник словно исчезал в последний момент, когда Лось уже готов был вывернуть его из руки индейца, и появлялся снова уже в другой руке. Однако и латино не настолько превосходил противника, чтобы это позволило ему воспользоваться оружием: Казимир блокировал все попытки развернуть разрядник жерлом в его сторону. Пока преследователю удавалось использовать свое оружие только как гнутую железяку для эффектной ганкаты. Но было совершенно ясно, что при прочих равных условиях оружие в этой схватке – все же солидный плюс, и тот, в чьих руках оно останется, когда силы рукопашных поединщиков окончательно иссякнут, окажется в выигрыше.

И это, скорее всего, будет ацтек.

Такое соображение заставляло эфенди Алишера действовать стремительно и нестандартно. Понемногу оттеснив противника к резному ограждению по краям атриума, Лось отвлек его внимание ложным выпадом, а затем внезапно одним движением взлетел на бортик и, оттолкнувшись обеими ногами, рыбкой кинулся вниз.

С одной стороны, это был хороший ход – из такой позиции, наискосок и сверху вниз, противнику попасть по нему в полете из разрядника было гораздо сложнее. С другой стороны, ход был весьма сомнительный – колодец атриума пронизывал весь рынок до первого уровня, а

высота каждого этажа, которые были построены с арабским размахом и пышностью, достигала восьми метров, поэтому падение на каменную мозаику пола с такой высоты едва ли могло помочь Витковскому-Йоханссону одержать победу в этом поединке.

Впрочем, метнувшись к ограждению и выглянув через край, индеец сообразил, что его противник вовсе не пытался покончить с собой. В колодец атриума спускались почти до самого первого этажа узкие полотнища жесткой материи, закрепленные на металлических блоках под куполом – на них были расшиты золотом какие-то узоры и арабская алфавитная вязь. Одним из таких полотнищ Лось и рискнул воспользоваться вместо лифта. Прыгнув в атриум, глава «Аламута» вцепился в одну из полос материи и, обжигая ладони, заскользил по ней вниз.

Полоса обрывалась метра за три до пола. В нижний край полотнища была вшита тонкая металлическая труба – чтобы оно под ее тяжестью всегда находилось в расправленном состоянии. Для эфенди Алишера это оказалось неприятным сюрпризом. Доехав донизу, он, видимо, собирался вцепиться в нижний край полотнища и мягко спрыгнуть на мозаичный пол. Однако руки его неожиданно скользнули по закруглению трубы, поэтому вниз он полетел не совсем под тем углом, под которым собирался.

Вновь немного оглушенный падением, Витковский, стоя на четвереньках, поднял голову, чтобы сообразить, куда отступать дальше, когда перед ним с негромким шумом приземлился ацтек, воспользовавшийся соседним полотнищем. В руке у него мгновенно возник разрядник, и Лось замер, так и не поднявшись.

– Ну? – негромко поощрил незнакомец, качнув оружием. – Прояви наконец уважение! Я же тебе сейчас башку отстрелю на фиг. Не хочешь, к примеру, встать на колени и униженно умолять меня сохранить твою никчемную жизнь?

– Не хочу, пся крев! – рявкнул Лось. – Пришел стрелять – так стреляй, Песец, нечего зря разговоры разговаривать!

– Ах, ты!.. – Ацтек прикоснулся к своей квадратной, словно вырубленной топором скуле. – Признал, чертяка! Не работает моя маскировка?

– Всё у тебя работает. – Кряхтя, эфенди Алишер начал подниматься с пола. – Ох, старость не радость... Не знаю, что за чудо-грим ты использовал, рожа у тебя совершенно неузнаваемая. Но не опознать личный стиль, которым ты машешься, после нескольких сотен проведенных с тобой спаррингов... – Он покачал головой. – Это ведь даже более индивидуально, чем почерк. Ты, кстати, по-прежнему дерешься как девчонка. Давно хочу спросить: кто тебя научил так поворачивать запястье при ударе? Однажды тебе его отломают. Я же лично и отломаю при следующем спарринге. Поймаю на болевой прием и отломаю к чертовой бабушке.

Они уважительно пожали друг другу руки. Потом Казимир привлек майора подразделения Звездных Горностаев Родима Пестрецова с лицом индейца к себе, облапил и крепко стиснул в объятиях.

– Не отломали же до сих пор, – прохрипел Родим, с трудом хватая ртом воздух. – А тебя я сделал даже с неправильно повернутым запястьем...

– Потому что ты напал на меня совершенно нечестно, во время приема пищи, даже не дав мне подготовиться! – возмутился Лось. – Прием пищи – это святое. А ты... а ты!..

– Я напал на тебя совершенно честно, – отрезал Песец. – Прямо объявил о своих намерениях, и первым действовать начал ты. То, что ты не был готов, не считается – настоящий противник вряд ли даст тебе время подготовиться к бою.

– Ладно-ладно, уел. На что мы дрались в этот раз?

– На водку, как обычно.

– Вот же ты скотина! Ты ведь прекрасно знаешь, что бутылка «Боярской» стоит здесь примерно как бутылка золотого песка!

– Я тебя не тороплю. Будешь должен. Расплатишься в другом мире, менее мусульманском.

– Я отсюда никуда улетать не собираюсь. Неплохо устроился. Так что бутылка «Боярской» еще очень долго будет для меня эквивалентом бутылки золотого песка.

– Это ты так думаешь, что не собираешься.

– А ты за меня уже подумал по-другому?

– За себя ты будешь думать сам, – безмятежно заявил Родим. – Просто я уже знаю, что ты решишь. Подумаешь, бином Ньютона.

– Срезал. – Лось поскущел. – Когда вылетаем, командир? Мне еще дела нужно посдавать. Ты ведь знаешь, я теперь важная шишка в королевской администрации, мне нельзя исчезать, все бросив. Особенно после того, как мы с тобой потратили столько усилий и рисковали головой, чтобы навести здесь порядок. А я сегодня очень важную информацию получил. У меня тут заговорщики всякие дела мутят, преступники, шайтаны всех мастей...

– Сдавай свои дела. Суток хватит?

– Постараюсь уложиться...

– Значит, завтра утром.

– Принял.

Отряхнувшись, они неторопливо двинулись к эскалаторам, обсуждая произошедшее.

– Посредственно сработал же, – говорил Пестрецов. – На троечку с минусом. Совсем бросил тренироваться? Я тебя раза три мог снять, особо не напрягаясь.

– Ну, и снял бы! – огрызнулся Лось. – Пожалел, что ль? Раньше я за тобой такой нерешительности не замечал, даже в спаррингах. Если хилый – сразу в гроб, – процитировал он древнерусского классика.

– Пожалел, дурак... – пробурчал Песец. – Одни вы у меня с Рысей остались из подразделения. Если своими руками вас перебую – с кем останусь? С правой и левой рукой?..

– И то верно.

– Вообще-то разрядник у меня был выставлен на парализующий минимум, – пояснил Родим. – Так, электрошокер. Что я, с ума сошел – лупить боевым зарядом на базаре, полном невинных людей?

– Ну, я примерно так и подумал. Хотя насчет «невинных» – это ты малость подзагнул, конечно. На местных торгашах пробы ставить негде. Короче, нету тут тех пресловутых десяти праведников, ради которых можно пощадить этот арабский Содом; Господь, жги!.. – Он посмотрел на Родима и содрогнулся. – Ну и рожа у тебя, командир! Ох и рожа! Мне как штатному мастеру маскировки совершенно необходимо знать, как ты ее себе сделал. Буду тоже себе такую делать... на детские утренники...

– Подарок от американских коллег. Точнее, взаимовыгодный обмен. Я знал, что эта игрушка тебя заинтересует. Всё расскажу и продемонстрирую, потерпи.

На первом этаже пострадавшие от схватки Родима и Казимира торговцы возмущенно галдели, обступив усталого пожилого полицейского. Увидев приближающихся приятелей, они заорали вдвое сильнее, тыкая в них пальцами. Полицейский сначала двинулся к Горностаям, сурово сдвинув брови, но, разглядев эфенди Алишера, причем мирно беседующим с недавним противником, замер чуть ли не по стойке «смирно», потеряв дар речи.

– Плохо у тебя полиция работает, – сокрушенно вздохнул Песец. – Вроде мы их вместе дрючили и воспитывали, а как я уехал, так всё вразнос пошло. Хотя бы один-то раз они должны были вмешаться.

– Хорошо у меня полиция работает, – возразил Лось. – Вышколены. Королевский рынок – это моя вотчина, я здесь море важной информации добываю. В столице вон уже слухи циркулируют, будто Его Величество лично ходит в народ, переодевшись в рубище, как Гарун аль-Рашид, узнаёт, так сказать, чем этот народ дышит... Ага, щас. Вот ему больше заняться нечем. Это я хожу в народ, я. Лично узнаю все сплетни и секреты. Поэтому все местные менты меня знают и мне подчиняются, чтобы не случилось ненароком какого недоразумения. Ну, то

есть как знают: знают только, что я на самом деле очень важная шишка, приближенная к королевской администрации, возможно, работающая непосредственно на «Аламут». То, что «Аламут» – это я, им знать совершенно не обязательно. В общем, у меня тут полный карт-бланш. Так вот: когда мы с тобой махались, я всем встреченным ментам подавал секретный знак. Есть у нас тут такой тайный жест «Не вмешивайтесь». Мало ли, что у меня за секретная операция с вражескими агентами происходит, что за хитрую комбинацию я разыгрываю. Сначала-то я хотел взять тебя живьем и выяснить, кто ты вообще такой и зачем по мою душу. Потом уже опознал тебя по стилю боя. В обоих случаях полиция мне была совершенно без надобности. Поэтому я их и заворачивал...

Под недоуменные взгляды бармена и официантов они вернулись в «Бар», который совсем недавно покинули с таким шумом, и расположились за стойкой.

– Моему другу – того же, что и мне, – распорядился Лось. – И мне тоже повторить. Разрушенное включить в счет.

– Не сомневаюсь, что после того, как ты стал их завсегдатаем, им пришлось внести в меню многие новые пункты, – заметил Песец. – Насчет стоимости битой посуды, проломленных стен и закопченного потолка.

– Сегодняшний счет в «Баре» – это та вещь, которая беспокоит меня менее всего другого, – отозвался Витковский. – Мы же половину Королевского рынка вдребезги разнесли! Того самого рынка, который я обязан в числе прочего королевского имущества оберегать и лелеять. Порезвились, называется! А ведь за мной еще должок висит в виде бутылки золотого песка. Это всё слишком дорого даже для всемогущего главы службы безопасности...

– Ну, не скули давай, – строго осек Пестрецов. – Его Величество охотно возместит из госбюджета ущерб всем, кто пострадал от нашей разминки. А узнав, кто вернулся к тебе погостить, на радостях еще и удвоит сумму. Если только... – Он озабоченно нахмурился. – Если только на тех полотнищах в атриуме не было цитат из Пророка, конечно. Тогда нам остается только бежать. За осквернение Корана, насколько я понимаю, смертная казнь.

– Да нет, какие еще цитаты из Корана на рынке? Четверостишия Хайяма... – отмахнулся Лось. – Но и насчет удвоенной суммы – это, конечно, тоже очень вряд ли. Напомнить тебе, после скольких недель одиночной камеры в подземельях «Аламута» ты улетаешь отсюда в прошлый раз?

– Его Величество – рассудительный человек. Ты вон после стольких же недель одиночной камеры вообще стал начальником его службы безопасности, и ничего.

– Кто на что учился, – самодовольно хмыкнул Казимир. – Впрочем, ты прав. Если сначала Рашад был очень расстроен тем, что мы насильно возвели его на трон, и страшно переживал, то сейчас он, кажется, вошел во вкус власти. Так что запросто может и щедро отблагодарить, как меня. Видал, как он самозабвенно руководит, какие болезненные реформы двигает? Местная знать только побряхтывает. Но все равно полагает, что это куда как лучше, чем разорительные закидоны его покойного братишки... – Витковский хлопнул себя по коленям. – Ладно! Чем я занимался все это время, ты приблизительно уже знаешь. Наверняка сначала навел агентурные справки. А сам куда исчез после того, как мы наладили тут нормальную службу безопасности? Поехал в отпуск – и пропал...

– Не поверишь, – сказал Родим. – Вернулся на свою глухую ферму посреди леса, коровок выращивать.

– Не поверю, – согласился Казимир. – Впрочем, я ребенок городской, мне вообще сложно вообразить кайф от унылой одинокой возни в навозе.

– У наших коровок не навоз, – задумчиво проговорил Пестрецов, – у них едкий секрет зеленого цвета. Кислотный. На руку попадет – неделя незабываемых ощущений гарантирована. – Он вытянул вперед руку, покрытую светло-коричневыми пятнами. – Я крестьянский сын, конечно, пятый в семье, мне проще...

– Все равно, – упрямо мотнул головой Витковский. – Даже для тебя это слишком. После всего, что мы пережили – взять и снова запереть себя в глухомани. Себя, идеальную боевую машину... Я понимаю еще – после Дальнего Приюта, но после Тахомы и Панеконта, когда мы показали всем этим уродам так любимую вами, русскими, *la mère de la Kuzka*¹...

Песец поморщился.

– Я раздал свои долги, – нехотя проговорил он. – На Тахоме – за Дальний Приют. На Панеконте – Александру Михайловичу, за высокое доверие и поддержку, оказанные на Тахоме. А потом попросил императора отправить меня в почетную отставку. Так сказать, положить туда, откуда взяли. Хотя бы на время, с клятвенным обещанием перевести дух, вынырнуть через годик и устроиться преподавать в военную академию. Прости, что не попрощался – не думал, что вообще решусь на такое. Мне нужно было привести мысли в порядок.

– Привел? – насмешливо осведомился Казимир. – Судя по всему, отставки тебе Александр Михайлович так и не дал. Только большой отпуск. Иначе ты бы сейчас ко мне не приехал.

– Да что же я, к хорошему другу не могу просто так в гости приехать?! – возмутился Песец. – Ты мне еще водку должен, между прочим!

– Это аргумент! – заржал глава королевской безопасности Аль-Сауди. – Но все же, кроме шуток: за каким чертом ты здесь? Особенно когда тебя уже перестали здесь ждать?

– А! Ты же, небось, не знаешь! – оживился Родим. – Новости через Галактику плохо добираются! Светка замуж выходит.

– Наша Светка?! – на всякий случай уточнил ошеломленный новостью Витковский. – Рыся? За этого своего гангстеришечку, к которому она вернулась после Панеконта?!

– За команданте Глама, – уточнил Пестрецов. – Главу рейнджеров Саггети. Он уже давно не гангстеришечка.

– Исключительно с подачи Светки! Она его тренирует, обучает, вправляет ему мозги. Что она ему в уши дует, то он и делает.

– Светлана Кирилловна серьезно повлияла на господина Саггети, – согласился Песец. – Способствовала его духовному росту, так сказать. Теперь он уважаемый человек и без пяти минут мэр Тахомы. Зачем ты грязно злословишь у него за спиной?

– Не знаю. Тебя хочу поддержать в твоем негодовании? – Лось пожал плечами. – Значит, ты летишь к ним на свадьбу и меня приглашаешь? Что планируешь делать по прилете – прикончишь обоих? Меня собираешься поставить на шухере или доверишь столы переворачивать?

– Зачем? – удивился Родим. – Я похож на больного ублюдка? Никто тут не негодует, это тебя кто-то обманул. Светка – взрослый человек. Я ее очень ценю как боевую единицу и уважаю как сильную женщину. Что у нас там было с ней до Дальнего Приюта в романтическом плане – оно всё там и осталось. Стать миссис Саггети – это ее выбор, и я не собираюсь в него вмешиваться. Но нас с тобой приглашали на свадьбу, и было бы невежливо отказаться от приглашения. Мы ведь втроем – почти семья. Да и Гламу уже не совсем чужие – после того, как пару раз спасли его тощую задницу.

– Ты все-таки расскажи мне, для чего мы летим на самом деле, – попросил Казимир. – Чтобы я был в курсе. Представляю, с каким удовольствием ты разрушишь эту свадьбу, когда Светка узнает о новом задании Александра Михайловича...

– Я ведь уже сказал тебе, что «больной ублюдок» – это не про меня. Я ничего разрушать не буду. Просто объясню ей суть очередной *просьбы* Александра Михайловича, после чего она имеет полное право отказаться и заняться обустройством своего женского счастья. Она уже давно расплатилась со всеми долгами, как и мы с тобой, и теперь имеет право поступать только так, как считает правильным сама. Светка больше никому и ничем не обязана. Она свободный

¹ Кузькину мать (*фр.*)

русский человек. Так что я лишь передам просьбу Его Величества, а дальше пусть уже решает сама.

– Ты все-таки ублюдок, – вздохнул Витковский. – Потому что прекрасно знаешь, что Светка не откажет ни тебе, ни тем более Александру Михайловичу. Ты уже заранее знаешь, что сдерживаешь девку с супружеского ложа в первую же брачную ночь.

– Отчего же, – размеренно проговорил Родим. – Мы ведь не звери. Можно и во вторую. Только задерживаться на третью нам уже точно не стоит. О жизни гражданских речь идет.

– Ну, ладно. Не станем задерживаться и мы, раз такое дело. Только пусть нам тогда принесут сначала еще кумганчик кофе. Представляешь, эти мерзавцы так блестяще его готовят, что мне даже и возразить-то особо нечего. А внятного кофе мы, похоже, вскоре снова будем лишены на неопределенный срок...

У столика предупредительно кашлянул официант:

– Эфенди Алишер, там у дверей команда спецназа. Вызвал кто-то из охранников рынка. Не верят, что у вас всё хорошо...

– Пригласи их командира сюда и приготовь третий кальян, – заявил Казимир. – Их забыли предупредить, что тревога учебная.

– Слушаюсь, эфенди. – Официант испарился.

– Ты ведь не возражаешь? – поинтересовался Лось у Пестрецова.

– Против достойного эфенди, командира спецназа? Нет, конечно.

– Хорошо. Заодно и познакомлю...

Глава 3

Песец и Лось прибыли на Талгол как VIP-пассажиры, в шикарных каютах президентского разряда, как и положено высокопоставленным лицам, принимавшим участие в создании службы безопасности нового монарха Аль-Сауди. Король Рашад сначала уговаривал их отправиться на личном королевском космолете, однако Родим логично заметил, что это привлечет к ним слишком много ненужного внимания, которого они хотели бы избежать. Тогда Рашад настоял на том, чтобы оплатить драгоценным гостям билет до Талгола в президентских апартаментах. Как и было предварительно договорено с русским императором Александром Михайловичем, по первому же требованию король Аль-Сауди немедленно отпустил со службы императорского вассала и его сослуживца, принесших неоценимую пользу арабскому государству.

Светлана Рысь в свое время так и не стала старшей женой короля, как предлагал ей Рашад. Очевидно было, что подобное замужество принесет огромную пользу отношениям Российской Империи и Королевства Аль-Сауди. Однако так же очевидно было и то, что репутация старшей жены Рашада окажется под постоянной угрозой. Ибо осталось слишком много свидетелей того, каким образом, перепрыгивая из одного гарема в другой, она добралась до ближнего окружения прежнего короля.

Впрочем, дело было не только в этом. Потому что подобную информацию подданные Светоча правоверных как-нибудь способны были пережить. Гаремы и обитающие в них «гурии» – дело такое... м-м-м... неоднозначное... А вот появление в средствах массовой информации сведений о похождениях Светы на Талголе стало бы немалым ударом не только по репутации старшей жены, но и по авторитету самого новоиспеченного монарха. В том же, что такая информация в СМИ непременно появилась бы, прими Рысь предложение короля Рашада, причем появилась бы скорее рано, чем поздно – ни у кого из причастных сомнений не было. Ибо резкое усиление русского влияния в столь значимом районе обитаемого космоса пришлось не по нраву весьма многим влиятельным лицам и структурам. А удар по репутации – отличный, старый как мир способ нанести ущерб любому проводнику подобного влияния. Даже если это глава государства. *Особенно* если это глава государства...

Тем не менее король потратил много времени и красноречия, чтобы склонить Светлану к браку – видимо, она настолько поразила его как женщина, что он даже готов был рискнуть репутацией. Но Рысь оказалась непреклонна. Раз проблем для Империи от этой свадьбы могло возникнуть значительно больше, чем пользы, она предпочла вернуться на Талгол, к своему команданте, соскучившемуся без любимой.

И вот теперь Светка выходила за Глама Саггети замуж. Поскольку пользы от этого поступка для Империи практически не было, по всему получалось, что причиной этого поступка были не долг, присяга и принятые девчонкой на себя обязательства, а нечто иное. То есть никак нельзя было исключить даже то, что под венец она пошла по любви.

За время ее отсутствия Глам времени даром не терял. Как и предполагал мистер Динелли, ставший главным юристом рейнджеров Саггети, после триумфального разгрома мафиозных кланов Тахомы серьезных соперников на выборах мэра столицы у команданте просто не оказалось. Так что выборы мистера Саггети выиграл с поистине разгромным счетом. Причем объявленная перед самым днем голосования помолвка явно добавила ему очков у избирателей. И вот теперь недавно принесший присягу новоиспеченный мэр собирался заполучить уже второй и, по некоторым признакам, заметным даже не очень внимательному взгляду, главный для себя приз.

В космопорту Витковского и Пестрецова встречал лимузин от «Саггети Корпорейшн». Казимир не мог не отметить, что быть везде почетным гостем все-таки страсть как удобно. Родим пожал плечами: ему было все равно. Он бы не отказался и от закрытого автобуса,

на котором во времена мафиозных войн отправлялся на выезд с командой других боевиков в качестве Джо Стрелка.

Пока Родим и Казимир отсутствовали в Тахоме, столице Талгола, изменилось тут немного. Разве что физиономия команданте Глама, нового мэра города, сурово улыбалась теперь с каждой стены – после выборов еще не успели убрать наглядную агитацию.

Они поспели к самой свадьбе. На обширной лужайке новой Саггети-виллы, куда доставил их лимузин, уже начали собираться гости. Здесь были самые богатые и знаменитые люди Тахомы. Песец узнал пару знаменитых киноактеров и какую-то популярную певицу. Наверняка здесь их было гораздо больше, просто Родим в свое время не следил за светской жизнью и мало кого знал в лицо.

– Ждут около тысячи человек, – поведал Казимир, ознакомившись с одной из программ вечера, которые лежали на многочисленных фуршетных столах под бокалами с шампанским. – Неплохо! Светка быстро входит во вкус шикарной жизни. Когда-то ей хватало одних камуфляжных штанов, пары берцев и армейской футболки на год. А теперь – тысяча человек только на свадьбу! И всех будь любезен накорми...

– Это не Светке надо, – пояснил Пестрецов. – Это надо новому мэру. Иначе местная богема не поймет, сквалыга, скажут.

– Сколько же это всё может стоить? – продолжал возмущаться Лось. – Ведь прожрут же всё, чертовы америкашки! Сожгут в фейерверках! Нет бы на нужное дело пустить... Одних школ сколько можно построить на эти деньги!..

– Не скрипи. Ты бы еще в пенсиях посчитал. Александр Михайлович вон тоже приемы устраивает для почетных гостей. И фейерверки.

– Император не может обойтись без пышных государственных приемов, – пробурчал Казимир. – У него страна под дланью, причем немаленькая – десятки планет! И то у него приемов на сравнимое число гостей – дай бог пару раз в год. А градоначальник должен работать! И быть скромнее!..

– У всех свои традиции...

– Леопольд! Леопольд!

С противоположного края лужайки отчаянно семафорил руками Стив Кувалда. Увидев, что Песец его заметил, Кувалда кинулся прямо в толпу гостей, уверенно раздвигая ее мощными ладонями, как волны штормового моря. Вскоре он оказался рядом с Родимом и принялся дружески хлопать его по плечам и спине:

– Дружище Леопольд! Как же я рад снова тебя видеть!.. Или как там тебя на самом деле – Джонатан? То ли Джордж, то ли Мартин?.. А, какая разница! Мы ж с тобой хлеб преломили, пиво из одной кружки лакали, под смертельными разрядами вместе ползали... Папу Юпа вдвоем из одного плазмомета жгли! Ты ж мне брат навсегда!

– Э, бачка Бампер, – укоризненно донеслось с другой стороны. – Совсем гордый стал ходи, жопа страус, да? Совсем не смотри на один старый бедный индеец, э?

– Здравствуй, мастер Чедка, – дружелюбно сказал Лось, стискивая лапой руку Чедки Чалмерса. – Хорошо выглядишь, старый бедный индеец! Несмотря даже на то, что я вообще-то тебя старше, а я еще совсем не старый...

– Эй! – вскинулся Чалмерс. – Вот зачем вот сразу пошел вот этот вот гнусный белый расизм, бачка? Вот нужен он тебе был, да? Я же тебя сейчас повалю руками на землю и заставлю извиняться!

– Не надо меня валить, мастер Чедка! – засмеялся Витковский. – Я перед тобой и так извинюсь, не рассыплюсь. Два раза! Или три. Заслужил. А где же твой закадычный друг Ларри Заноза?

– А где ж ему еще быть, – отозвался Джарвис, со скрещенными на груди руками показавшись из-за дерева. – Наблюдаю, чтобы этот вот человекообразный примат не нажрался бесплатным шампанским раньше, чем начнется церемония бракосочетания...

– Ах ты ж, бледный личинка! – яростно взвился индеец. – Как же твой поганый язык не отсохни совсем говорить мне такие жестокие горькие обиды! Фу, дурак!..

– Я тебя хорошо знаю, потому и говорю, – хладнокровно сказал Заноза. – Еще пара бокалов, и хорош, притормози. Дождись горячего...

– Славно, что мэр пригласил на свадьбу боевых товарищей, – сказал Родим Казимиру. – Не побрезговал. Будет с парня толк...

К группке рейнджеров приблизился один из личных телохранителей команданте Глама.

– Господин Пестрецов? – негромко спросил он. – Мистер Саггети очень хотел бы видеть вас до начала свадебной церемонии, – продолжил он, когда Родим откликнулся. – Прошу, следуйте за мной...

Песец посмотрел на Лося. Тот недоуменно пожал плечами.

Вслед за телохранителем Родим вошел в дом. Они миновали несколько просторных сводчатых коридоров и оказались в апартаментах нового мэра, который стоял перед зеркалом в брюках и белой рубашке, безуспешно пытаясь повязать галстук.

– Никак не научусь, – пожаловался Глам, сердечно поприветствовав Пестрецова. – Когда стал команданте, бросил носить эту удавку. А раньше мне повязывала ее Джулия... то есть Света. Но сейчас, согласно традициям, невесту от меня прячут. А отдадут только перед венчанием. К тому времени я уже должен быть при галстуке...

– Поздравляю, Глам, – искренне сказал Родим, пожимая руку команданте Саггети. – Таковую девку сумел окольцевать... Счастливый ты человек!..

– Вы ведь за ней прилетели? – тихо спросил мистер Саггети, не глядя на собеседника.

– В этот раз мы действительно на свадьбу, – серьезно ответил Родим.

– Послушай... – Глам глубоко вздохнул. – Я понимаю, что она спецгент. Что она в любой момент может сорваться на другой конец галактики для выполнения очередного смертельно опасного задания... Нет-нет, я не пытаюсь ее удержать. – Он с тоской посмотрел на Пестрецова. – Но что, если... Она ежедневно тренирует меня, порой довольно жестко. Что, если рано или поздно я достигну такого уровня подготовки, что смогу... претендовать... – Он сбился под внимательным взглядом Родима, но затем собрался с силами и твердо произнес: – Претендовать на то, чтобы войти в вашу команду. И-и-и... я готов принести присягу верности вашему императору! – Саггети умолк.

Родим молча смотрел на него – все с тем же заинтересованно-участливым выражением лица. Глам около минуты буравил собеседника отчаянным взглядом, затем отвел глаза и глухо пробормотал:

– Прости... Безумная, конечно, была идея. Но мне показалось, что, может быть... – Он тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой.

– Потенциальный Горностай не должен сдаваться сразу, – негромко произнес Пестрецов. – Горностай вообще не должен сдаваться. Но ты все равно молодец, команданте. Тренировки тебе не мешают в любом случае. А насчет Светки... Ты вот что: ты береги ее. Одна она у нас...

Он повернулся и вышел из дома на лужайку.

В церковь на обряд венчания Песец с молодыми не поехал. Хотя всё тот же телохранитель сообщил, что их приглашает невеста. Казимир тоже долго зудел, что половина зала со стороны невесты окажется пустой, поэтому им необходимо посетить церемонию хотя бы из уважения к Светке. Сначала Родим вяло отвечал, что два человека немногим лучше пустой половины зала, потом стал просто отмалчиваться.

В общем, на церемонию венчания они так и не выбрались, и дожидались возвращения новобрачных из церкви на лужайке виллы вместе с большинством остальных гостей.

Наконец мэр Саггети в эффектном строгом смокинге и его очаровательная женушка в невероятном, воздушном, белоснежном платье появились на подиуме в дальнем конце лужайки – раскрасневшиеся и счастливые, вызвав у гостей бурю аплодисментов. Песец изумленно поднял бровь: Светку он вообще редко видел в платье, а уж в таком пышном вообще никогда.

Торжество посетил местный губернатор, который быстренько поздравил молодоженов, сделав им какие-то солидные подарки (Родим особо не вслушивался), потом с короткими поздравительными речами выступили какие-то магнаты и представители мегакорпораций, имевших филиалы на Талголе – тоже не обошедшиеся без щедрых подарков. Каких именно, бывшие Горностаи не разглядели, так как не лезли в первые ряды, предпочтя занять позиции в тылу толпы гостей. Рысь пыталась улыбаться, но явно томила посреди этого пышного официоза и время от времени быстро пробегала глазами по толпе, словно пытаясь кого-то отыскать.

Официальная часть быстро закончилась, и зазвучал оркестр. Под трогательную музыку радостные молодожены закружились в танце. Песец молча наблюдал, как легко и непринужденно, словно один человек, двигаются Глам и Света, как нежно бывший гангстер поддерживает подругу за поясницу, а грубоватая, колючая и жесткая Рысь, в жизни ни с кем не танцевавшая ради собственного удовольствия, ласково прижимается к груди своего парня, и не мог поверить своим глазам.

После танца новобрачных, вызвавшего фурор и овации, началась свадебная вечеринка с фуршетом. Вереницы гостей выстроились в очередь, чтобы подойти к новоиспеченным супругам, поздравить их со знаменательным событием, выразить восхищение организованным мероприятием, чокнуться с ними шампанским, ну и... засветиться на освещающих торжество головканалах, конечно. Рысь вела себя несколько рассеяно, по-прежнему блуждая взглядом поверх голов тех, кто беседовал с Гламом и дежурно улыбаясь тем, кто обращался к ней, но Песец с Лосем стояли, прислонившись к дереву, и были надежно укрыты густой тенью древесной кроны. К счастливой парочке они пока так и не подошли.

– Ну? – поинтересовался Казимир, вертя в пальцах бокал. – И когда же ты собираешься рассказать Светке о *просьбе* Александра Михайловича? Самое время, по-моему.

– Никогда, – буркнул Родим.

– В смысле? – оторопел Витковский.

– В том самом. – Пестрецов взял шампанское с подноса у пробежавшего мимо официанта. – Ты ее глаза видел, Казимир? Ты видел, как она танцевала? Ты видел, как девчонка счастлива?.. – Он покачал головой. – Я не смогу ее отсюда выдернуть. Ни в первую брачную ночь, ни во вторую, ни во все последующие. Даже пытаться не буду. Давай лучше считать, что она отказалась поехать с нами.

– Гм, – сказал Лось. – Ты ведь с самого начала знал, что так все и будет. Тогда зачем вообще было затевать? Салатиков бесплатных захотелось поесть на Светкиной свадьбе?..

– Нет, не знал, – мотнул головой Песец. – Уже здесь понял. Когда мне сказали, что она не стала брать фамилию мужа и так и осталась нашей Рысей. Я был уверен, что эта стальная девка не откажется от нашего предложения ни при каких обстоятельствах. Но считал, что так нужно. Что так правильно. Солдат – всегда солдат, и точка! Горностаев бывших не бывает, поэтому то, что она больше не на службе, ничего не меняет. Она все равно выполнит любой приказ императора... – Он качнул головой. – Но сейчас вижу, что так неправильно. И так нельзя. Светка отдала все долги. С лихвой. Всем. Даже императору. Так что пусть перевернет эту страницу и будет счастлива в новой жизни. Тем более что парень у нее славный. Хлипенький, а тянется за ней изо всех сил, молодчага... Так что – совет им да любовь.

– То есть ты сам за нее все решил, – медленно проговорил Казимир.

– Да, – не стал спорить Песец. – Командиру часто приходится решать за своих ребят. Иногда вообще приходится решать, кому жить, а кому нет. И я сейчас, пользуясь своим правом командира, решаю так: бывший лейтенант имперской армии Светлана Рысь будет жить, долго и счастливо. А мы с тобой справимся сами.

– Ты же понимаешь, что она тебя возненавидит, когда узнает?

Родим пожал плечами.

– Ну, возненавидит. Случались в истории наших с ней отношений и такие моменты. Ничего страшного. Как-нибудь переживу еще раз.

– Надеюсь ты не рассчитываешь, что исполнить новую *просьбу* императора будет легче, чем две предыдущих? – нейтральным тоном уточнил Лось.

– Я же не наивный юноша, – криво усмехнулся Песец.

– В таком случае вдвоем нам будет *очень* сложно, – констатировал Витковский. – Надеюсь, это ты тоже понимаешь? Нам и втроем-то было непросто. Но вдвоем...

– Я понимаю, – равнодушно сказал Родим. – Справимся. Тем более что у нас ожидается пополнение...

– О чем это ты? – насторожился Казимир.

– Узнаешь. – Песец поставил пустой бокал на столик. – А сейчас нам лучше уйти не прощаясь. Потому что рано или поздно Светка нас тут отыщет, и выйдет гораздо хуже, чем если бы мы исчезли, не попрощавшись.

– Как скажешь, командир.

Родим не смог бы ответить даже самому себе, почему испытывает сейчас такую странную пустоту в груди. Он прилетел сюда совершенно спокойным, абсолютно уверенным, что держит ситуацию и собственные чувства под надежным контролем. Да, когда-то они со Светкой любили друг друга, любили до полубезумия, любили так, как не должны любить друг друга бойцы одной диверсионной команды – это слишком рискованно. И то, что после кровавого кошмара Дальнего Приюта эта любовь превратилась в огромную черную дыру с золой, прилипшей по краям, было встречено Пестрецовым со сдержанным пониманием. Они разбежались по галактике, стремясь оказаться как можно дальше друг от друга, с намерением никогда больше не встречаться. Потому что каждая встреча была бы для них мучительным напоминанием о том, что они пережили. Главная боль и главный позор состояли именно в том, что они пережили это, а не легли рядом с ребятами и девочками из подразделения.

Но потом случился ответный удар на Талголе, когда они снова поверили в себя и снова смогли смотреть в зеркало без опасения, что оттуда затравленно взглянет Человек, Который Не Сумел. Светка постепенно стала приходить в себя и оттаивать...

Песец не торопил ее, понимая, что может вспугнуть любимую, едва-едва вернувшуюся к нормальной жизни. И, наверное, зря.

Потому что окончательно она оттаяла в объятиях Глама Саггети, роль любовницы которого ей приходилось исполнять согласно боевого задания.

Теперь уже поздно было что-то делать. Поздно было что-то делать уже на Талголе, перед командировкой в Аль-Сауди, когда стало ясно, что Рысь готова принять руку и сердце бывшего наследника разрушенной гангстерской империи. Родим давно смирился с ее выбором. Почему же ему теперь было так тоскливо и мутно?

Он не хотел сегодня подходить к Светке. Такое поведение, конечно, являлось свинством по отношению к ней, если не вообще трусостью. Она очень ждала Песца с Лосем, которые были единственными близкими людьми, оставшимися у нее от прежней жизни. Они сейчас обязаны были подойти к ней и поздравить с удачным замужеством. Но когда Песец представлял себе эту сцену, его начинало колотить. Много раз в своей жизни он таскал смерть за усы, много раз шел ва-банк, много раз смотрел в жерло вражеского плазмомета. Но заставить себя подойти

к Светке и поздравить ее с самым счастливым днем в жизни он не мог. У него не оказалось на это душевных сил.

– Пошли, – хрипло сказал он Казимиру. – Здесь мы уже сделали всё, что могли. Завтра с утра вылетаем на Беовульф.

– К немцам? – уточнил Казимир.

– К немцам.

– Мы с ними вроде давно не ссорились.

– А мы и не собираемся ссориться. Скорее даже наоборот.

Утром следующего дня Лось и Песец сидели в баре пассажирского модуля, который должен был доставить их на орбиту для пересадки в транспорт, отправляющийся на Беовульф. Настроение у обоих было так себе, поэтому перед отправлением им непременно нужно было принять по маленькой. Для сугреву, как это когда-то называлось в России.

– Милейшая, почему не стартуем? – поинтересовался Родим у пробежавшей мимо стюардессы, когда стартовый отсчет, секунды которого отражались на большом табло на стене бара, внезапно был остановлен, а затем запущен заново.

– Все в порядке! Небольшая непредвиденная задержка!.. – прошептала та. Однако ее, видимо, распирало от возмущенного желания озвучить горькую правду, потому что, воровато оглядевшись по сторонам, она наклонилась к пассажирам и понизила голос: – Представляете, жена нового мэра ломится на борт! Видимо, опоздала на регистрацию. Плохо команданте начинает свою карьеру градоначальника, ой плохо...

– Тебе стоило это предвидеть, – проговорил Лось в ответ на страдальческий взор Пестрецова. – Простите, любезнейшая! – обратился он к стюардессе. – Но ведь посадка уже закончена. Ее же не пустят на борт, правда?

– Боюсь, капитан предпочтет не связываться с мэром Тахомы...

– Неправильно это, – неодобрительно заметил Казимир, когда стюардесса побежала по своим делам. – В них все еще сидят дурные привычки тех времен, когда планетой управляли мафиозные кланы и против мэра никто даже пикнуть не смел. Команданте Саггети придется приложить немало усилий, чтобы это изжить. Чтобы окончание посадки означало «окончание посадки», а не «если вы жена мэра, то можно»...

Родим промолчал, задумчиво разглядывая свой бокал. Потом медленно поднял взгляд.

– Твою ж мать, – бессильно проговорил он, наблюдая, как в дверях появилась Светлана Рысь собственной персоной. В берцах, камуфляжных штанах и армейской футболке, что характерно.

Светка плюхнулась за их столик, закинула ногу на ногу.

– Ну, да, – сказала она. – В яблочко. Насчет бара не ошиблась. За годы совместной службы выучила наизусть, где вас стоит искать в первую очередь. – Она звонко щелкнула пальцами, привлекая внимание бармена, и небрежно указала на стакан Родима: мне такое же дерьмо. – Итак, джентльмены, в чем дело вообще, я не поняла?!

Лось расплылся в радостной улыбке и тем же самым Светкиным жестом указал на сделавшего флегматичный глоток Пестрецова.

– Ясно, – вздохнула Рысь. – Кто-то тут решил меня побереечь. Пожалеть, так сказать. Жалельщики у нас тут. Только ты, командир, жалость-то свою сверни в трубку, пожалуйста, и засунь ее себе поглубже... ну, не знаю. В карман, допустим. Во внутренний. И так ходи. Понял?!

– Угу, – хладнокровно отозвался Песец. – Честно говоря, жалею я сейчас только об одном – что Глама я, получается, обманул. Обещал ему, что в этот раз мы тебя не заберем...

– Еще и мужика моего пожалел, – констатировала Рысь. – Слушай, командир, ты у нас не Горностаи прямо, а какая-то Армия спасения... Не волнуйся, я ему всё подробно объяснила,

в том числе и то, что ты оставил меня на Талголе из жалости, а мне такой жалости не надо. И он меня за это даже трогательно поцеловал в лобик на прощание. Такое взаимопонимание!.. Поэтому за Глама не беспокойся, ему не привыкать.

– Зря мы тебя Рысью прозвали, вот что, – сказал Родим, глядя в свой бокал. – Стрекозой надо было...

– Р-р-разорвать мою задницу! – вспыхнула Света. – Сам не сдохни!

Вернувшаяся стюардесса предупредила, что до момента преодоления атмосферы им лучше занять свои места. В целях безопасности и недопущения травматизма.

– Безопасности?! Да этой дамочке разок бы на боевое десантирование выброситься... – всё еще раздраженно фыркнула Рысь, но свою порцию все-таки прикончила залпом и встала. – Пошли давайте, Армия спасения...

Три часа спустя они уже пересели в пассажирский транспорт, готовые отправиться на Беовульф.

Глава 4

Высадившись в космопорте Беовульфа, трое Горностаев двинулись к выходу и обнаружили у автоматических раздвижных дверей мужчину в униформе шофера, который держал в руках картонку с надписью «Мистер Сименс, Аль-Сауди».

Пестрецов сразу понял намек.

– Кажется, это по нашу душу, – проворчал он.

В машине, к которой проводил их молчаливый шофер, видимо, не знавший ни английского, ни интерлингвы, уже сидел пожилой мужчина с выправкой военного в отставке, к сиденью которого была прислонена эффектная резная трость.

– Сережа, – представился он. – Если вам будет так проще обращаться к старику – Сергей Васильевич. Ваш куратор со стороны Второго управления.

– Что ж, – сказал Родим, – тогда я, с вашего милостивого позволения...

– Не утруждайтесь, Родим Афанасьевич, – проговорил куратор, – мы в курсе, зачем приехали сюда и кого встречаем. Как известно, печеный лосось в багряном небе плывет не спеша...

– Не шевелит ни хвостом, ни плавниками, – отозвался Песец, – но плывет и плывет себе, раздвигая пространство. Чудесное ниппонское стихотворение, на самом деле разработанное нашими аналитиками. Хорошо; мы установили, что пароль вы знаете.

– А... – Забравшийся на заднее сиденье Лось посмотрел на шофера.

– Не беспокойтесь, это машина наших местных друзей и коллег, – заверил Сергей Васильевич. – Это совместная операция. Здесь можно смело говорить о чем угодно, если только информация не имеет уровень секретности выше третьего. Полная безопасность от прослушки.

Глидер развернулся над трассой и устремился к центру города.

– Ноги болят? – поинтересовалась дерзкая Рысь, разглядывая украшенную прихотливой резьбой трость. – Последствия старой боевой операции?

– Да нет, – засмеялся Сергей Васильевич. – По крайней мере, последствия не настолько серьезные, чтобы ходить с палочкой. Но в этом городе, в котором архитектура музейного уровня, средневековые картины в галереях и прочая культура на каждом углу... Модно демонстрировать свою высокую духовность. Приходится брать пример с местных пожилых снобов и ходить с ценной тростью, чтобы особо не выделяться...

– Погодите-ка, – внезапно насторожился Родим. – Сергей Васильевич, ноги... Ваша фамилия Павличенко?..

– Точно так, – склонил голову куратор.

– Ваш рейд на Веге разбирали у нас в диверсионной школе как бессмертную легенду, – с благоговением сказал Пестрецов. – Как образец молниеносного принятия правильных решений в самой неблагоприятной обстановке. И вернулись вы тогда почти в полном составе...

– Было, было, – усмехнулся куратор. – Это уже не секретная информация. Почти полвека прошло, все подписки о неразглашении уже закончились. Признаюсь, было страшно, но чертовски интересно...

– Примите мое уважение, учитель, – склонил голову Песец.

– Позвольте ответить вам тем же, Родим Афанасьевич. Ваши операции на Талголе и Панеконте будут изучать в русской диверсионной школе следующие пятьдесят лет.

– О, нет. Это были слишком дилетантские операции, во многом удавшиеся из-за чистого везения.

– Вы еще и скромны.

Глидер снизился над эффектным зданием, напоминавшим готический замок, и нырнул во внутренний двор.

Родим Пестрецов понимал, конечно, что это новодел, что на планете Беовульф не может быть настоящих средневековых замков, но тем не менее залюбовался. Колонизируя новый мир, немцы застраивали его, взяв за образец свои средневековые города. Разумеется, дороги теперь были пошире, а на крышах располагались гиперпространственные антенны и посадочные площадки для глидеров. Но в пешеходных туристических центрах все было как тысячу лет назад: замковые виллы, фахверки, узкие улочки, огромные дубовые двери, подвальчики-кнайпы, гаштеты и таверны.

Однако это здание если и было туристической достопримечательностью, то только снаружи: внутрь штаб-квартиры Службы бундесбезопасности пускали далеко не всякого.

Впрочем, у Сергея Васильевича, похоже, допуск был, потому что никто их не задержал – ни на входе, ни внутри здания. Правда, немедленно вызвали сопровождающего, который и отконвоировал их в просторную переговорную комнату на пятом этаже.

– Меня зовут Курт Аугенталер, – представился сопровождающий. – Я ваш куратор от немецкой стороны.

– От имени Александра Михайловича я подтверждаю его полномочия, – кивнул Павличенко. – Он поделится с вами сутью дела.

Немецкий куратор запустил стеллариум. В комнате заметно потемнело, и над столом возникла медленно вращающаяся шарообразная звездная карта.

– Звездное скопление Кабестан, – проговорил Аугенталер, приближая выделенный участок пространственной карты. – Самая окраина обитаемого космоса, дальний фронт, который, в соответствии с негласными договоренностями, считается зоной наших, немецких интересов и влияния. На планетах этого сектора добывается элемент котониум, используемый в производстве энергетических установок. Казалось бы, материал стратегический, однако месторождения котониума в Кабестане слишком незначительны, поэтому их промышленная разработка совершенно не рентабельна. Вследствие чего ни одну из крупных корпораций эти месторождения не заинтересовали. А вот для мелких артелей и авантюристов, вооруженных ручными экстракторами, интерес есть, и еще какой. Так что крупные игроки просто выдвинули туда свои орбитальные перерабатывающие базы, где и наладили прием руды у добытчиков и ее обогащение...

– Представляю себе, что там за гадючник образовался по итогу, – проговорил Родим. – Серая зона, частные старатели, наверняка куча другого сомнительного народа – в конце концов, авантюристы ведь не от хорошей жизни едут туда добывать котониум, у многих точно проблемы с законом. И многие криминальные ребята готовы помочь им облегчить карманы от шальных денег. Плюс перерабатывающие базы конкурирующих между собой корпораций, всегда готовых воткнуть нож в спину конкуренту...

– Именно, – согласился куратор. – Потом все стало еще хуже. Когда стало ясно, что рабочие руки в скоплении Кабестан стоят слишком дорого, какому-то потомку белых выходцев из ЮАР, африканеров, пришло в голову повторить исторический опыт своих предков. То есть в качестве рабочих начать завозить в систему негров с беднейших независимых планет сектора. Поначалу их нанимали за считанные гроши, а теперь, судя по поступающей информации, и вовсе обращают в рабство...

– Это крайне печально, – заметил Пестрецов, – но при чем здесь мы? Насколько мне известно, в мирах, контролируемых так называемыми демократическими правительствами, по самым скромным подсчетам проживает до двадцати миллионов рабов. Хотя, конечно, далеко не все из них официально именуются подобным образом. Не уверен, что именно скопление Кабестан срочно нуждается в...

– Не в этом дело, – задумчиво проговорил Сергей Васильевич. – Вам известно такое имя – Алена Амельская?

– Честно говоря... – озадаченно начал Родим.

– Мисс Россия, – ответил за него Казимир. – Действующая. Нынешнего года. Песец и Рысь в изумлении уставились на него.

– Что?! – ошетинился Лось. – Да, я смотрю русский конкурс красоты! И мне не стыдно. Неженатому мужчине в моем возрасте иногда бывает так одиноко вечерами... – Он покосился на Пестрецова. – А Аленушка вполне в моем вкусе. Я с ней и «Мисс Вселенную» собирался смотреть, да ты меня сдернул в эту командировку...

– Пребывание в Аль-Сауди окончательно превратило тебя в хронического наслажденца, – покачал головой Родим. – Небось еще завел себе домашний халат, чашку для чая с ситечком и такие мохнатые шлепанцы. Вот сейчас немецкие коллеги послушают нас и поймут, на чем тебя можно вербовать...

– Ну, ты шути, да знай меру! – насупился Витковский.

– Совершенно верно, – остановил развернувшуюся перепалку Павличенко. – Мисс Россия, участвующая в конкурсе «Мисс Вселенная», который в этом году проходит на территории Беовульфа. Она пропала как раз на границе скопления Кабестан вместе с остальными претендентками на этот титул и огромным круизным лайнером, на котором происходило все это действо. И на котором вместе с Аленой было еще около сотни граждан России. И из ее команды – косметологи, массажисты, тренеры, хореографы, модельеры, – и просто туристы из группы поддержки...

– Причем случилось это в районе, где процветает рабство, – задумчиво резюмировал Казимир. – Несколько тысяч человек плюс лайнер – неплохой куш...

– Его никто не купит, – сказал Пестрецов. – Заметный очень, сразу будет видно, где взяли.

– Значит, продадут по частям! Разберут и продадут.

– Вы же говорили, что в рабство обращают черных, – подала голос Рысь.

– Рабовладельцы во все времена не слишком различали товар по цвету кожи, – сказал Родим. – Когда в США еще была официально разрешена торговля людьми, часть невольников были белыми – например, ирландцы, которых после подавления восстаний продавали за океан власти Великобритании. Кроме того, каждый свободный гражданин белой расы в случае финансовых проблем мог продать самого себя в рабство сроком на пять лет... Черных рабов покупали охотнее и в больших количествах только потому, что они были выносливее своих белых собратьев по несчастью. И в нашем случае, насколько я понимаю, неизвестным налетчикам, работающим в регионе, где налажена системная работорговля, удалось разжиться сотней самых красивых девушек галактики. Это очень, очень хороший куш. И цвет кожи тут играет самую последнюю роль.

– Совершенно верно, – вслед за русским куратором скорбно повторил куратор немецкий.

– Тогда я не вполне понимаю, почему власти Беовульфа не обеспечили конкурсу достаточную защиту, – жестко проговорил Родим, в упор глядя на него. – На мой взгляд, это прямой прокол бундесбезопасности.

– Согласен, – не стал спорить Аугенталер. – Видимо, нам стоило ответственнее подойти к этому вопросу. Но никто даже вообразить не мог, что гигантский круизный лайнер бесследно исчезнет во вполне мирном секторе вместе со всеми кораблями сопровождения. Что кто-то вообще сможет отважиться на такую невероятную авантюру и сумеет сохранить всё в полной тайне. В результате у нас грандиозный международный скандал...

– А у нас – сотня пропавших без вести подданных Империи, включая королеву красоты, – подвел итог Сергей Васильевич. – И эту проблему нам необходимо срочно решить. Потому что это прямой вызов Александру Михайловичу, для которого главная ценность – жизни его подданных.

– И все же – почему именно мы? – задал вопрос Пестрецов. – Дилетанты?..

– Поначалу Второе управление собиралось отправить в Кабестан штатных агентов, – пояснил Павличенко. – Но на императора вышли представители Беовульфа, которые предло-

жили совместную операцию и всемерное содействие. При этом попросив задействовать одну команду, которая уже работала не только по заданию русского императора, но и по просьбе американцев, и в обоих случаях показала себя сверхэффективно...

– О, черт, – сказал Лось. – Мы теперь легенда международных разведок. Это последнее из того, чего я собирался добиться в жизни.

– Все необходимые материалы по этому делу вам запишут на жесткий носитель, и вы сможете изучить их по пути в Кабестан, – сказал Аугенталер. – Поскольку это совместная операция, к вам также присоединится немецкий агент – Грейс Кюнхакль. – Он сделал движение рукой, и на фоне звездной карты развернулось объемное фото молодой белокурой немки.

– Ой, какая куколка! – искренне восхитилась Рысь. – Настоящая красавица, не то что я! Она случайно не участвовала в этом злополучном конкурсе «Мисс Вселенная»?..

– Будет вам, бабам, о чем посплетничать, – недовольно заметил Лось. – Если только за мужиков не подеретесь...

– Чего там драться, – пожал плечами Родим, – каждой достанется по штуке.

– Не волнуйтесь, – сказал немецкий куратор, – такого вопроса наверняка не возникнет. Наша агент имеет гендерную ориентацию, которая полностью исключает подобную проблему.

– Еще того не легче! Лесбиянка! – возмутилась Света, которая всегда с подозрением относилась к таким женщинам. Во время операций они порой висли на ней как мужики, и это всегда сбивало стопроцентную натуралку Рысь с толку, мешая работе. – Эта малютка вообще обучена боевым искусствам? Выглядит хрупкой, как хрустальный бокал...

– Разумеется, обучена, – сказал куратор. – Не то чтобы она была совсем малюткой, конечно... Но в любом случае непрофессионалов мы на службе не держим.

– Дело в том, что мы обычно работаем втроем, – сказал Пестрецов. – Не уверен, что лишний человек сумеет усилить нашу группу.

– Вынужден напомнить, что это совместная операция, – мягко сказал Аугенталер. – Службе бундесбезопасности необходим в группе свой человек для контроля происходящего. Уверяю вас, Грейс – очень опытный агент, имеющий за плечами немало успешных операций. И кроме того, она великолепно говорит по-русски.

– Интересно, – холодно усмехнулся Родим, – для чего вашей службе понадобился агент, великолепно говорящий по-русски. Разве что осуществлять операции против нас...

– В жизни бывают всякие случаи, – миролюбиво проговорил немецкий куратор. – Например, вроде нашей совместной операции. Видите, знание нашим агентом русского языка оказалось очень даже в тему...

– Мы прекрасно могли бы общаться с ней на английском или интерлингве, – возразил Пестрецов. – Как с вами.

– Кстати, она уже прибыла и сейчас будет здесь, – поспешил сообщить Аугенталер, вжимая пальцем в ухо клипсу приемника. Видимо, этот разговор ему уже совсем не нравился. – Сможете познакомиться лично.

– Нет, я не против, конечно, познакомиться лично, – заявил Пестрецов. – Почему бы и не познакомиться с симпатичной женщиной, тем более настоящей куколкой. Вот только не думаю, что это знакомство как-либо... – Он отчаянно закашлялся, увидев в дверях агента Кюнхакль, которая поприветствовала собравшихся на интерлингве.

Грейс совершенно неожиданно оказалась могучей блондинкой ростом за два метра, этаким вдвое увеличенным вариантом фотомодели. На снимке она выглядела куколкой только потому, что сложена была удивительно женственно и пропорционально своим внушительным размерам. И лишь при личной встрече можно было с изумлением обнаружить, что ее дамские параметры – не 90–60–90, как выглядело на фото, а примерно 120–80–110, соответственно баскетбольному росту.

– Ни фиги себе – куколка! – Лось задрал голову. – Это даже не плюшевый зайчик. Скорее жирафик!..

Немка с ненавистью посмотрела на него.

– Послушь-ка, парнишечка, – внезапно произнесла она на чистейшем русском с сильным окающим выговором, – когда ты миркуешь, что тебе тут никто не понимает, акромья своих, так вот чаво: ни хрена тебе подобного, знашь!

Казимир молча подобрал с пола отвалившуюся челюсть и захлопнул ее. Родим окинул новоприбывшую взглядом с долей уважения, Света – с ленивым интересом.

– Где язык учила, красавица? – вкрадчиво поинтересовался Пестрецов, бросив красно-речивый взгляд на побагровевшего куратора с немецкой стороны. Похоже, тот тоже впервые услышал «великолепный русский» своей протее.

Судя по всему, подбор кадров для операции осуществлял другой человек, а сам герр Аугенталер ознакомился с предложенной кандидатурой не слишком подробно, в основном по досье. Ну там, характеристика, образование, опыт участия в операциях... А насчет языка доверился зафиксированному в досье уровню освоения, который был выставлен самим преподавателем и так и перекочевывал из файла в файл еще со времен языковой подготовки.

– Так эта... – растерялась агент Кюнхакль. – Кубыть, совсем хреново гутарю?..

– Прекрасно, – хладнокровно ответил Родим, старательно не замечая хрюкающих в кулаки напарников. – Прекрасно гутаришь. Отличное диалектное произношение. Вполне сойдешь за коренную жительницу Новой Рязани, к примеру.

– Агась! – высокомерно усмехнулась немка. – Тогой-то ж я и балакаю... Мне в развед-школе произношение один лингвистик ставил. Гражданска тютя, но дело свое туго знат. Доктор наук, шельма! Значица, тово-етово, нарочно такой распространенный русской акцент ставил, дурилка картонная, чтобы я не шибко выделялась в толпе. И словечки там всякие ядреные велел учить, крепкие, для колориту вашенского...

Рысь не выдержала и заржала в полный голос.

– Ты чавой-то, девонька? – насторожилась великанша.

– Анекдот... вспомнила... анекдот пошлый... – выдавила Рысь. – Плывут, значит, по реке три утюга... – Она снова яростно захохотала, не в силах больше произнести ни слова.

– Она нам верно сгодится? – озабоченно поинтересовалась Грейс у Песца. – Для операции-та? Чавой-то у нее с терпелкою не товань...

– Она сгодится, – серьезно заверил Родим. – Проверено. А твой русский... Ну, тоже сгодится. В первом приближении, так сказать. Главное, что мы его понимаем, остальное не столь важно.

– Грейс прекрасный профессионал и аналитик, – заявил Аугенталер, только-только пришедший в себя. – И, как видите, вовсе не беспомощная куколка, а вполне тренированный боец.

– Ага, – кивнул Лось. – Валькирия этакая...

– Вот всякими кляузными прозвищами попрошу не срамить меня вовсе! – нахмурилась госпожа немецкий агент.

– Ну, как же... – Казимир даже растерялся от неожиданности. – Могучие же девы-воительницы, все дела...

– Которые в Вальхалле прислуживают мужикам-воинам за столом! – холодно припечатала Грейс. – Мед разносят, прошмандовки позорные! Юбками трясут... Наверняка и всякие срамные обязанности выполняют!..

Рысь и Лось снова затряслись от беззвучного хохота, однако Родим опять остался серьезным.

– Не пойдет, – скучным голосом сказал он, обращаясь к немецкому куратору. – Вашего агента придется поменять. Нам необходимо стопроцентное взаимодействие, а при вот таком

подходе нам половину времени придется улаживать конфликты внутри группы. Ничего личного, я беспокоюсь только о пользе дела.

– Прошу прощения, – сказал Аугенталер, – но взгляды фрау Грейс типичны для немецких женщин. К сожалению, мы не сможем заставить гражданина демократической страны поступать вопреки своим моральным ценностям и подстраиваться под... – Он дернул шеей, словно ему мешал тугой галстук. – Русских.

– Вы вежливо проглотили слово «диких»? – осведомился Песец. – Принимать помощь от нас ваши ценности вам не мешают... Что ж, как я и сказал в начале разговора, тогда мы работаем втроем. Все просто.

– Видите ли, Родим Афанасьевич, – Павличенко потер лоб, – это совместная операция. Одобренная и согласованная на уровне императора. Вы же наверняка понимаете, что не в наших компетенциях менять условия на последнем этапе и на таком уровне?

– Вам нужны компетенции или выполненное задание? – поинтересовался Пестрецов.

– Нам нужно задание, выполненное в соответствии с предварительными договоренностями.

– Сергей Васильевич, мы не агентурная разведка, – пожал плечами Родим. – Мы – полые военные разведчики и кадровые диверсанты. Всё, чего мы добились в своих операциях, было сделано благодаря нашему дремучему дилетантизму именно в области агентурной разведки. Так что нам не впервой менять условия на последнем этапе и нарушать границы своих компетенций.

– Родим Афанасьевич! – жестко сказал Сергей Васильевич. – Если вы старательно не понимаете намеков, придется сказать открытым текстом. Император согласился пригласить вашу команду только потому, что немцы в обмен на это пошли на серьезные политические и экономические уступки Империи. Единственным встречным требованием правительства Беоульфа было участие в операции агента бундесбезопасности. На подготовку другого агента и замену фрау Кюнхакль потребуется время, которого у нас нет. Кроме того, она блестящий полевой аналитик и уже несколько лет занимается исчезновениями кораблей в том районе, что может очень серьезно нам помочь. Давайте просто возьмем с нее слово, что она подождет с отстаиванием своих демократических ценностей до окончания операции...

– Секретный агент под прикрытием в идеале должен быть малозаметен и внешность иметь самую заурядную, – сухо сказал Песец. – Вот посмотрите, к примеру, на меня: отведешь взгляд – и тут же забудешь, как я выгляжу. Светлана, разумеется, другое дело, но она обычно и задания выполняет, для которых необходима впечатляющая женская внешность. Казимир же – блестящий мастер маскировки, так что способен великолепно использовать свои впечатляющие габариты именно для отвлечения внимания. Да и его по большому счету тоже трудно отличить от какого-нибудь другого здоровяка. А Грейс... Женщина с такой внешностью и такой... моделью поведения... просто не способна сохранять малозаметность. Не говоря уж о совершенно не женских габаритах, которые всё это многократно усугубляют...

– Не факт, – возразил Аугенталер. – Тут может сработать фактор «от противного». Это знаете, как некоторые наемные убийцы надевают на акцию, к примеру, оранжевые кроссовки или пеструю куртку. Потом, когда свидетелей спрашивают, как выглядел преступник, они могут с уверенностью сообщить только одно: он был в оранжевых кроссовках. Или в пестрой куртке. Яркая деталь во внешности хорошо запоминается, но при этом прекрасно отвлекает внимание от всего остального. Свидетели порой даже не могут сказать, мужчина это был или женщина, в оранжевых кроссовках-то.

Пестрецов с кислым видом смотрел на немецкого куратора.

– Примерно то же самое происходит и с габаритным агентом женского пола, – воодушевленно продолжал тот. – У нас это называется «метод лишнего человека». Без сомнения, к Грейс будут прикованы все взгляды. Поэтому достаточно потом оставить ее в каюте, чтобы

никто больше не сумел опознать всех остальных участников группы, что бы вы ни вытворяли до этого с ее участием.

– Это имеет определенный смысл, – с сомнением проговорил Лось, потирая подбородок.

– Не уверен, – откликнулся Родим, буравя куратора взглядом.

– И еще одно, – сказал Аугенталер. – У фрау Кюнхакль в этом деле личный интерес. На одном из пропавших в том районе кораблей находилась ее сестра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.